

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1885**

Выпуски 9-12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1885: Выпуски 9-12 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 788 с.

ISBN 978-5-458-38646-3

«Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартечева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подбирал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартечева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартечева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-38646-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

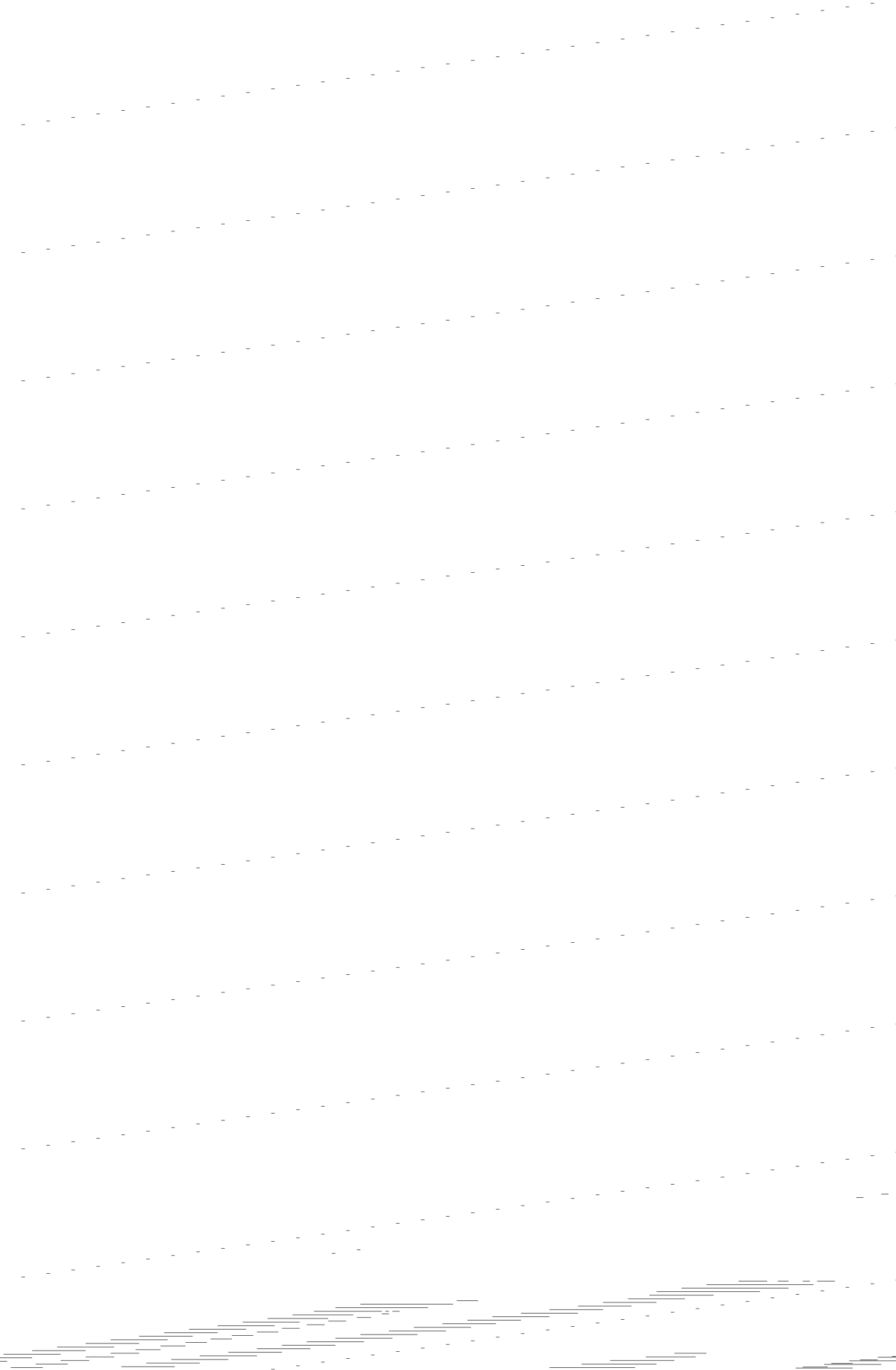
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Перепечатка бумагъ и статей изъ «Русскаго Архива», какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отрывкахъ, не допускается безъ предварительнаго соглашенія.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Со времени опредѣленія въ службу до выступленія въ походъ.

1811—1812.

(Писано въ Петербургѣ въ 1815 году).

Родился я 14-го Юля 1794 г., воспитывался и учился въ родительскомъ домѣ. Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1811 г. отецъ привезъ меня въ Петербургъ для опредѣленія въ военную службу.

Я не имѣлъ опытности въ обращеніи съ людьми, обладалъ порядочными свѣдѣніями въ математикѣ, не имѣлъ понятія о службѣ и желалъ вступить въ нее. Уже четыре года былъ я влюбленъ. Сначала я бывалъ только у своихъ родственниковъ, т.-е. у братьевъ и двоюроднаго брата Александра Мордвинова. Съ симъ послѣднимъ и со старшимъ братомъ дѣтскія ссоры довольно часто разстраивали наше согласіе; въ дѣтствѣ ссоры эти вызывали между нами драки, въ описываемое время кончались упреками, иногда горькими; теперь же споромъ и смѣхомъ.

Братъ Александръ былъ годомъ меня старѣе въ службѣ. Въ день пріѣзда моего въ Петербургъ, онъ возвратился изъ Волыни, куда былъ командированъ для съѣмки. Увидѣвъ его въ офицерскомъ мундирѣ, я сердечно порадовался при мысли, что скоро самъ его надѣну. Дня три послѣ его пріѣзда, отецъ повезъ меня рекомендовать къ капитану Сулимѣ, а сей послѣдній къ г.-адъют. князю Петру Михайловичу Волконскому, который, исправляя тогда должность генераль-квартирмейстера, исключительно занимался преобразованиемъ генеральнаго

*) Печатаются съ подлинныхъ своеручныхъ тетрадей, сохранившихся у дочери Н. Н. Муравьева, Александры Николаевны Соколовой. П. Б.

штаба, называвшагося тогда свитою Его Величества. Наступилъ страшный день, назначенный для экзамена. Полковникъ Хатовъ и подполковникъ Шефлеръ, которые меня экзаменовали, первый въ фортификаціи, а второй въ математикѣ, знали менѣ моего; я хорошо выдержалъ экзамень, они остались довольны и донесли о томъ князю, который поздравилъ меня колонновожатымъ и приказалъ мнѣ немедленно явиться въ Семеновскій полкъ къ полковому адъютанту Сипягину для обмундированія. Я прибѣжалъ домой, запыхавшись, и обрадовалъ отца, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ рѣшенія (подагра его удерживала въ постелѣ). То было въ Пятницу. Мнѣ не терпѣлось надѣть братнинъ киверъ и саблю и, поѣхавъ въ Семеновскій полкъ, я заказалъ себѣ мундиръ, который надѣлъ въ Воскресенье поутру.

Первое происшествіе, сопровождавшее вступленіе мое въ свѣтъ и на службу, ознаменовалось пощечиной, не у мѣста, но правильно данной. Не похваляюсь симъ поступкомъ, но полагаю горячность свою извинительною, во уваженіе молодости моей и неопытности; ибо я не воображалъ себѣ, что неблагопристойно было въ хорошемъ обществѣ дать заслуженную пощечину. Конечно, пощечина дается только въ той крайности, когда противникъ другой обиды почувствовать не умѣетъ; иначе, давшій ее подверженъ получить подобную же; но въ настоящемъ случаѣ послѣдствія показали, что пострадавшій мало огорчился. Приступимъ къ дѣлу.

Надѣвъ мундиръ, мнѣ слѣдовало идти къ присягѣ и явиться къ князю Волконскому. Но, разсудивъ, что въ Воскресенье никого дома не застанешь, я отложилъ явку свою до Понедѣльника. Въ тотъ же день у адмирала Н. С. Мордвинова былъ балъ и маскарадъ. Я увижу Н. Н., она меня увидитъ въ мундирѣ; чтó могло быть увлекательнѣе! Батюшка страдалъ подагрой и остался дома, а меня ввечеру отправилъ съ братомъ къ Николаю Семеновичу. Промѣнялъ ли бы я Турецкій или Гипспанскій костюмъ на колонновожатскій мундиръ? Я приѣхалъ съ киверомъ въ рукахъ, не снималъ сабли и стучалъ шпорами, часто спотыкаясь. Поляки, Турки, гусары, рыцари—всѣ казались мнѣ ниже меня. Переодѣтая Н. Н. явилась съ двумя рыцарями. Сем. Никол. Корсаковъ и братъ ея Сашинька обнажили мечи и дѣлали примѣръ боя; одинъ изъ рыцарей упалъ, а другой увелъ ее танцовать. Я сталъ въ углу и завистливыми глазами глядѣлъ на счастливаго Корсакова. Вблизи меня въ первой парѣ стоялъ Михайловъ, переодѣтый въ гусарское платьѣ штабсъ-ротмистра Фигнера *), одѣтаго Туркою и тан-

*) Николай Самойловичъ Фигнеръ—братъ знаменитаго партизана въ Отечественную войну.

довавшего во второй парѣ съ своею невѣстою, сестрою Михайлова. Михайловъ, подойдя ко мнѣ, насмѣшливо сказалъ:—«А унтеръ-офицеръ танцовать не смѣетъ» и, не давъ мнѣ времени отвѣчать, поспѣшилъ къ своей дамѣ, съ которою удалился. Кровь во мнѣ закипѣла. По окончаніи экосеза, я подошелъ къ Михайлову и, напомнивъ ему сего занныя слова, хладнокровно, учтивымъ образомъ, просилъ у него объясненія. Онъ замѣшался; на то время подбѣжалъ Александръ Мордвиновъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, шуткою сказалъ Михайлову: «Что вы армейскіе! Знаете-ли, что всякій колонновожатый достоинъ большаго уваженія, чѣмъ вашъ поручикъ?» — «Согласенъ» отвѣчалъ мнѣ Михайловъ, «что вашъ корпусъ почетный, но и я также выдерживалъ строгіе экзамены». Затѣмъ онъ сталъ распространяться въ названіяхъ наукъ, ему извѣстныхъ. Похвала знанія его, я возразилъ ему, что нимало въ томъ не сомнѣваюсь, но прошу объясненія первыхъ его рѣчей.— «Что же, отвѣчалъ Михайловъ, я вѣдь, знаю вашихъ офицеровъ, потому что служилъ съ ними въ Молдавіи; я самъ свидѣтель того, какъ одному полковнику вашего корпуса однажды приказали выстроить мостъ, и такъ какъ онъ сего не умѣлъ сдѣлать, то принуждены были командировать къ постройкѣ моста пѣхотнаго поручика; посудите сами, если у васъ полковники такіе ослы, то почему колонновожатымъ не быть хуже?» Пощечиною отвѣчалъ я Михайлову при всѣхъ. Не выражу того, что я въ эту минуту чувствовалъ. Я былъ увѣренъ въ правотѣ своего дѣла, но взволнованъ и находился въ такомъ необоронительномъ положеніи, что Михайловъ могъ меня тутъ же ударить. Сужу теперь, что при всякой ссорѣ надобно имѣть лѣвую руку болѣе въ готовности, чѣмъ правую. «Что вы сдѣлали?» вскрикнулъ центра тяжести лишенный Михайловъ, схвативъ меня за руку.—«Свой долгъ», отвѣчалъ я ему, «и готовъ сей-часъ дать вамъ удовлетвореніе, какое вамъ будетъ угодно. Пойдемте!»—«Знаете-ли вы, что я сдѣлаю?» сказалъ Михайловъ: «Я сей-часъ пожалуйю Николаю Семеновичу. Вы были свидѣтелемъ, г-нъ Гамалѣй; благоволите утвердить, а вы г-нъ Муравьевъ щенокъ!»—«Ахъ!» вскричалъ я, «подлецъ, тебѣ и этого мало, такъ постой-же!» Я вздрогнулъ отъ бѣшенства и побѣжалъ въ другую комнату искать по угламъ какой-нибудь трости, чтобъ порядкомъ прибить Михайлова. Пока я метался, Михайловъ, въ сопровожденіи Гамалѣя, самъ рассказалъ дамамъ свое несчастіе, ссылаясь на свидѣтеля. Къ счастью, Николай Семеновичъ въ то время сидѣлъ въ кабинетѣ, откуда онъ вышелъ въ гостинную тогда, какъ меня уже не было въ домѣ. Суматоха сдѣлалась страшная: гости стали развѣзжаться прежде времени. Фигнеръ сидѣлъ въ углу со своею невѣстою, когда безчестіе брата ея до него дошло. Онъ прибѣжалъ ко мнѣ и, схвативъ меня за

руку, просилъ скорѣе удалиться. На то время подошелъ братъ Александръ, который, увидя меня въ жаркомъ разговорѣ, успокоилъ насъ и вмѣстѣ съ Фигнеромъ уговорилъ меня уѣхать. На крыльцѣ сопровождали меня выраженія удовольствія слугъ, которымъ Михайловъ самъ уже успѣлъ рассказать свое приключеніе. Они не любили его и радовались случившемуся съ нимъ.

Смущенный возвратился я домой и рассказалъ отцу о случившемся. Онъ встревожился, побранилъ меня за запальчивость, но сказалъ, что я долженъ непремѣнно драться, на что я охотно согласился. На другой день пріѣхалъ Корсаковъ и объявилъ о намѣреніи Фигнера вступить за честь Михайлова. Я на все былъ согласенъ; но батюшка, опасаясь, чтобы я чрезъ поединокъ не пострадалъ по службѣ, пригласилъ письмомъ Фигнера къ нему пріѣхать. Поговоривъ съ нимъ насидишь, онъ позвалъ меня и сказалъ: «Николай, ты долженъ извиниться, я этого требую. Николай Самойловичъ будетъ посредникомъ». Нехотя, принужденъ былъ я повиноваться, и меня повезли къ Михайлову. «Александръ Михайловичъ», сказалъ я ему, «сожалѣю, что слишкомъ погорячился третьяго дня; но сознайтесь, что вы первые были неправы». — «Конечно, я былъ неправъ» отвѣчалъ онъ, «но и вы не должны были.... Неудобно-ли чаю?» — «Благодарю васъ», сказалъ я, «сей-часъ пилъ дома, прощайте», вышелъ отъ него и уѣхалъ. Фигнеръ, провожая меня, увѣрялъ въ чувствахъ своего уваженія ко мнѣ, а я довольнымъ возвратился домой. Бѣдный Михайловъ, который за нѣсколько дней передъ своей бѣдой только что пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы повеселиться, принужденъ былъ возвратиться въ деревню. Я же былъ осужденъ не бывать больше въ домъ Николая Семеновича, что продолжалось болѣе мѣсяца. Старикъ былъ непреклоненъ къ просьбамъ моихъ родственниковъ; наконецъ, по ходатайству тетки Катерины Сергѣевны, былъ я снова имъ принятъ. «*Mon cher ami*», сказалъ онъ обнимая меня, «*quand on veut faire la paix, il ne faut plus parler du passé, que tout soit oublié*». Такъ все и кончилось. Впослѣдствіи товарищи, узнавъ о случившемся, неоднократно благодарили меня за то, что я вступился за доброе имя корпуса, въ коемъ они служили.

Вскорѣ по опредѣленіи меня на службу, батюшка уѣхалъ обратно въ Москву. Князь Волконскій далъ мнѣ занятія въ своей канцеляріи и, спустя мѣсяцъ, назначенъ былъ мнѣ экзаменъ для производства въ офицеры. Мною остались очень довольны и поставили въ списокъ къ производству вторымъ; но, къ несчастію моему, за два дня передъ тѣмъ учредили у насъ прапорщиковъ, и такъ вмѣсто подпоручиковъ вышли мы прапорщиками. Впрочемъ радость надѣтъ офицерскій мундиръ изгладила сію небольшую досаду. Я былъ произведенъ 1811 года Ап-

рѣля 14-го дня, въ день рожденія брата Сергѣя. Однажды, какъ я сидѣлъ за работой, князь подошелъ ко мнѣ. «Муравьевъ, сказалъ онъ, Бетанкуръ увѣряетъ, что въ его корпусѣ послѣдній юнкеръ загоняетъ въ математикѣ лучшаго изъ нашихъ новопроизведенныхъ. Тебѣ заступиться за честь вашу; я тебѣ завтра пришлю билетъ, а послѣ завтра поѣдемъ на экзаменъ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія. Постарайся загонять ихъ хорошенько, тамъ и наши будутъ». Въ угожденіе князю я занялся эти два дня, затвердилъ самыя сбивчивыя задачи и, приготовивъ себя такимъ образомъ, я прибылъ на экзаменъ. Меня приняли привѣтливо, но ученики смотрѣли на меня какъ на злодѣя, явившагося, чтобъ воспрепятствовать ихъ производству въ офицеры. Начали съ самыхъ слабыхъ. Условленные между профессорами и учениками вопросы и отвѣты спасли ихъ отъ неудачи. Явились и сильныя. Бетанкуръ, привставъ, пригласилъ меня экзаменоваться. Я сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, но удачныя отвѣты сокрушали меня. Князь Волконскій мнѣ глазами мигалъ и морщился; наконецъ, въ удовольствіе ему, я задалъ слѣдующее: извлечь $\sqrt[m]{x-1}$. Этою пустою задачею мнѣ, наконецъ, удалось сбить бѣднаго кандидата, который смѣшался. Самъ Висковатовъ, удивленный замѣшательствомъ ученика своего, всталъ и не умѣлъ сего рѣшить. Князь восторжествовалъ. Предвидя скорое рѣшеніе задачи моея, я поспѣшилъ самъ указать рѣшеніе и тѣмъ не далъ времени раздосадованнымъ противникамъ затруднить меня усложненными формулами; пользуясь своимъ званіемъ экзаменатора, я не переставалъ вопрошать и такимъ образомъ избавился отъ заготовленной мнѣ грозы, ибо въ сущности инженеры болѣе нашего смыслили въ математикѣ. Князь, Бетанкуръ и всѣ свидѣтели поздравили меня съ успѣхомъ, а я, похваливъ учениковъ, болѣе меня свѣдущихъ, не остался лишняго времени и поспѣшилъ домой. Съ тѣхъ поръ духъ соперничества поселился между нашими офицерами и инженерами путей сообщенія, и они получили отъ насъ названіе болотниковъ. Я не сомнѣваюсь однакоже, что они превзошли насъ въ знаніи математики. Въ то время чертежная наша и канцелярія помѣщались въ Михайловскомъ дворцѣ, гдѣ также завелись математическія классы. Подполковникъ Шефлеръ преподавалъ колонновожатымъ геометрію. Онъ ее твердо зналъ и хорошо преподавалъ; но видно, что занятіемъ этимъ тяготился, ибо онъ съ моего согласія просилъ князя поручить мнѣ сей классъ, что и сбылось. Отобравъ восемь изъ лучшихъ колонновожатыхъ, я, съ согласія Шефлера, пригласилъ ихъ ходить каждый день учиться ко мнѣ на домъ. Я жилъ тогда подъ Смольнымъ монастыремъ на квартирѣ дяди Мордвинова, который лѣто проводилъ въ деревнѣ. Двое изъ учащихся у меня ко-

лонновожатыхъ подлинно успѣли въ математикѣ. Уроки сіи занимали меня. Въ то время какъ я преподавалъ, заводилась у насъ другая школа. Князь Волконскій, при всемъ властолюбіи своемъ и благонамѣренности, началъ подчиняться вліянію приверженцевъ, коихъ достоинства онъ не всегда умѣлъ различить или оцѣнить. Капитанъ свиты Его Величества и, какъ говорятъ, самозванецъ, графъ Фалькландъ, бѣглый изъ Французской службы, получилъ тогда довѣріе князя по части преподаванія математики. Трудно разобрать этого человѣка. Нельзя было ему отказать въ большихъ свѣдѣніяхъ по математикѣ, при томъ онъ говорилъ ясно; но страсть его была учить,—и чему въ особенности? Нумераціи! Полагаю, что разумъ его былъ нѣсколько помраченъ отъ усиленныхъ занятій; страдая сильною чахоткою, онъ не переставалъ кричать и толковать начала ариѳметики по самый конецъ своей жизни. Сначала онъ меня полюбилъ и, чувствуя приближающуюся смерть, хотѣлъ сдѣлать меня наслѣдникомъ своихъ бумагъ и сочиненій; но въ послѣдствіи я не могъ не видѣть оскорбленія подчиненныхъ мнѣ колонновожатыхъ, которыхъ обязали также ходить къ Фалькланду. Я поссорился съ нимъ и чрезъ то избѣжалъ труда разбирать стопы бумаги, измаранной математическими формулами, до коихъ въ сущности я небольшой охотникъ.

Фалькландъ увѣрилъ князя, что никто изъ новопроизведенныхъ офицеровъ не постигаетъ тайны нумераціи. Князь тщетно старался также насъ въ томъ увѣрить; но какъ голосъ его былъ сильнѣе истины, то и стали мы по приказанію его ходить каждый день послѣ обѣда къ графу-самозванцу, гдѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ практиковались въ счетѣ и четырехъ правилахъ ариѳметики по шестеричной, осмеричной и другимъ системамъ нумераціи. Однажды вздумалось намъ побунтовать. По общему согласію, на лекціи, Дурново прочиталъ Фалькланду рѣчь отъ имени всѣхъ товарищей. Всѣ встали со своихъ мѣстъ и, сообщая, старались внушить Фалькланду, что, дорожа своимъ временемъ, мы не находимъ нужнымъ тратить его по напрасну на такіе пустяки, какъ изученіе нумераціи, и наконецъ, что офицерскій чинъ избавляетъ насъ отъ несносной скуки къ нему на лекціи ходить; но увы! Фалькландъ былъ хитрѣе насъ: прокашлявши съ четверть часа и выслушавъ насъ съ улыбкою, онъ согласился въ правотѣ нашего сужденія, но ссылаясь на волю князя, которую обязанъ былъ исполнить. Впрочемъ онъ, вопреки обыкновенію своему, долго любезничалъ съ нами; отпуская же насъ, каждому пожалъ руку и разстался съ нами попріятельски. Мы послѣ узнали, что онъ въ это время ожидалъ къ себѣ князя, который однако не пріѣзжалъ. На другой день князь насъ къ себѣ собралъ и разразился грозою на не-

счастливаго Дурново. Щербининъ и я стали было говорить, но намъ велѣли молчать, и мы замолкли. Приказали намъ снова ходить учиться, и мы ходили, пока совершенно разстроенное здоровье Фалькланда не позволило ему больше преподавать таблицу умноженія. Признаюсь, мы очень опасались его выздоровленія и каждый день имѣли вѣрныя свѣдѣнія о состояніи его здоровья. Онъ вскорѣ и умеръ отъ чахотки.

Я жилъ близъ Смольнаго монастыря, въ такъ называемой Подгорной, на квартирѣ у дяди Мордвинова. Связи и знакомства мои не были обширны. Особенной дружбы ни съ кѣмъ не имѣлъ, въ пріятельскомъ же кругу бывали у меня сослуживцы Колычевъ и Михайла Александровичъ Ермоловъ; часто видался я также съ Матвѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, служившимъ тогда юнкеромъ въ Семеновскомъ полку. Колычевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ называютъ отчаянными головами; ему было 23 года, онъ имѣлъ свѣдѣнія и былъ вѣрный товарищъ. Онъ сначала имѣлъ неудовольствія по службѣ, потому что поссорился съ начальникомъ; въ послѣдствіи, въ кампаніи 1812 г., онъ присталъ къ партизанамъ и по отличію достигъ чина ротмистра въ Александрійскомъ гусарскомъ полку. Ермоловъ былъ мнѣ ровесникъ. Онъ былъ хорошо воспитанъ, скромнень и съ познаніями. Товарищи любили его. Онъ перешелъ отъ насъ въ гвардейскій егерскій полкъ, гдѣ также пріобрѣлъ себѣ общее расположеніе сослуживцевъ и начальниковъ. Въ 1813 г. Ермоловъ отличился храбростью въ сраженіи подъ Кульмомъ, гдѣ былъ жестоко раненъ. Матвѣя Муравьева-Апостола я очень любилъ. Онъ благородный малый и прекраснаго нрава; жаль только, что онъ мало учился, черезъ что природныя дарованія его остаются втунѣ; хотя онъ характера легкаго и склоненъ слѣдовать примѣру другихъ, онъ можетъ заблуждаться, но правила чести его безукоризненны. Онъ приходилъ ко мнѣ дѣлить свое горе, ибо имѣлъ неудовольствія отъ своего отца, который не умѣлъ цѣнить счастливаго нрава Матвѣя. Съ братомъ его Сергѣемъ я не былъ такъ близокъ, какъ съ нимъ.

Я жилъ вмѣстѣ съ братомъ Александромъ и двоюроднымъ братомъ Мордвиновымъ. Случалось намъ ссориться, но доброе согласіе отъ того не разстраивалось. Мы получали отъ отца по 1000 р. асс. въ годъ. Сображаясь съ сими средствами, мы не могли роскошно жить. Было даже одно время, что я, во избѣжаніе долга, въ теченіи двухъ недѣль, питался только подожженнымъ на жирной сковородѣ картофелемъ. Матвѣй часто приходилъ раздѣлять мою трапезу, ни мало не гнушаясь ея скудостью. Помню, какъ я въ это голодное время пошелъ однажды на охоту на Охту и застрѣлилъ дикую утку, которую

принесъ домой и съѣлъ съ особеннымъ наслажденіемъ. Изрѣдка навѣщалъ насъ по вечерамъ бывшій экзаменаторъ мой, добрый Шефлеръ. По Воскресеньямъ бывалъ я на вечерахъ у Н. С. Мордвинова, гдѣ танцовали. Страсть моя къ дочери его возрастала; я навѣстилъ адмирала однажды и на мызѣ, въ Парголовѣ, гдѣ онъ проводилъ часть лѣта съ семействомъ. Болѣе я ни у кого не бывалъ и проводилъ время дома. Въ служебныхъ занятіяхъ велъ я жизнь праздную, вовлекшую меня въ школьныя шалости, которые, можетъ быть, нѣсколько и повредили мнѣ.

Первая попавшаяся мнѣ книга была *Compère Mathieu*. Нѣсколько разъ прочиталъ я этотъ романъ который мнѣ очень понравился, но разрушилъ всѣ мои религіонныя понятія и чувства; однако книга сія не замѣнила разрушеннаго новыми правилами, и потому она только спутала понятія мои, не возродивъ ничего новаго. Мнѣ тогда было 16-ть лѣтъ. За этой книгой попалась мнѣ въ руки «Новая Елоиза» Руссо. Чувствительность, выражающаяся въ сихъ письмахъ, растрогала мое сердце, по природѣ впечатлительное. Разметанныя первымъ чтеніемъ мысли мои начали приходить въ порядокъ. Нѣсколько разъ прочиталъ я съ большимъ вниманіемъ «Новую Елоизу», и страсть моя къ Н. Н. усилилась. Думаю, что начало это способствовало къ развитію во мнѣ нелюдимости, къ которой я отъ природы склоненъ. Я тогда уже находилъ удовольствіе въ уединеніи, ходилъ по вечерамъ задумываться на *Быки* *), гдѣ просиживалъ до глубокой ночи, ходилъ на охоту и наслаждался своимъ одиночествомъ, когда лежалъ среди лѣса, растянувшись на травѣ вдали отъ свидѣтелей, коихъ, казалось, избѣгали и мысли мои. Предаваясь воображенію, я сравнивалъ положеніе свое съ положеніемъ независимаго человѣка. Слогъ Жанъ-Жака увлекалъ меня, и я повѣрилъ всему, что онъ говоритъ. Не мнѣ того, чтеніе Руссо отчасти образовало мои нравственныя склонности и обратило ихъ къ добру; но, со времени чтенія сего, я потерялъ всякую охоту къ службѣ, получилъ отвращеніе къ занятіямъ, предался созерцательности и облѣнился. Я перемогалъ свою лѣнь при исполненіи обязанностей и сталъ уже помышлять объ отставкѣ. Я и теперь лѣнивъ, но не для того однакоже сознаюсь въ томъ, чтобы такимъ признаніемъ предъ собою скрыть множество другихъ недостатковъ, ибо въ лѣности всего легче сознаться.

Мнѣ очень желалось видѣться съ отцомъ и показаться въ Москвѣ въ мундирѣ. Получивъ отпускъ на 28-мь дней, я отправился и былъ хорошо принятъ въ родительскомъ домѣ, гдѣ прежніе знакомые, обра-

*) Быками называется выстроенная на Невѣ малыякая пристань противъ Таврическаго дворца.